

³ См.: Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. С. 27 и далее.

⁴ См.: Караулов Ю. Н. Из опыта реконструкции языковой личности // Литература. Язык. Культура. М., 1986; Он же. Русский язык и языковая личность.

⁵ Там же. С. 216.

⁶ Михайловская Н. Г. О проблемах художественно-литературного двуязычия // Вопросы языкознания. 1979. № 2. С. 63.

⁷ См.: Дедков И. Обновленное зрение. М., 1988. С. 218.

⁸ См.: Холшевников В. Е. О литературных цитатах у Достоевского // Вестник ЛГУ. Сер. истор., яз. и литерат. 1960. Вып. 2. № 8. С. 136.

⁹ Лихачев Д. С. Заметки о русском. М., 1984. С. 37.

¹⁰ Михайловская Н. Г. О проблемах художественно-литературного двуязычия. С. 62.

¹¹ Кулибина Н. В. Методика лингвострановедческой работы над художественным текстом. М., 1988. С. 31.

Н. П. АНТРОПОВ, И. М. СУХОВИЦКАЯ

**ЭТИМОЛОГО-ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ
К НЕКОТОРЫМ ТЕРМИНАМ
СЕРБСКОЙ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ**

Славянский свадебный обряд имеет богатую терминологическую систему. Ее разветвленность достаточно показательна: она свидетельствует о древности свадебного обряда и практически полном отсутствии запретов на номинации тех или иных обрядовых действий или участников — свадебных чинов (в отличие, например, от погребального).

Традиционная сербская свадьба разыгрывается как спектакль, в котором «каждый имеет свое имя и должность сватовскую знает» (Вук Караджич). Терминологические сетки свадеб различных ареальных образований Сербии частично совпадают. Как указывает Н. Бегович в монографии, посвященной жизни и обычаям сербов-граничар, свадебные обычаи у целого народа различны в проведении, но в основе своей они одинаковы, потому что тождественна материя, их составляющая¹. Главные действующие лица: жених и невеста, кум — глава и распорядитель свадьбы, священник, скрепляющий брак. Это ядро, к которому можно добавить еще несколько чинов, обязательно присутствующих на сербском свадебном торжестве — **првенец**, **стари сват**, **дјевер**, **барјактар** (знаменосец). Кроме того, можно выделить определенные этапы свадебного обряда, зафиксированные и в Воеводине, и в Западной Сербии, и по течению Моравы: сватовство,говор, обмен дарами, венчание, хождение молодой по воду. Однако, анализируя сербские этнографические сборники, можно обнаружить реалии и лексику, соответствующие лишь определенным районам Сербии. Существенные различия в свадебном обряде наблюдаются даже в близко расположенных этнокультурных ареалах (например, район Алексинаца и Лесковца), где для называния персонажей, тождественных по функциям, могут использоваться различные лексемы. Так, в селах к западу от Моравы, четвертый по значению свадебный чин — **воевода**². Им обычно бывает зять от дома жениха, в обязанности которого входит занятие гостей, руководство дарами, объявление приказов. На востоке от Моравы **воеводу** не знают, а схожие функции здесь выполняет **чауш** 'гвардеец; начальник охраны'³. Согласно Л. Мичовичу, **чауш** — это тот среди сватов, кто своими шутками должен привлекать внимание, чтобы уберечь остальных сватов от сглаза⁴. Подобные расхождения достаточно часты. Этимолого-этнолингвистический анализ такой лексики в рамках отдельного славянского лингвоэтнографического фонда неизбежно приводит к соответствующим типологическим параллелям с обрядовой терминологией других славянских народов, что принципиально важно для изучения метаязыка славянской духовной культуры вообще.

В настоящей работе авторы не ставили своей целью охватить всю сербскую свадебную терминологию, имея в виду подробно остановиться на некоторых существенных этнолингвистических единицах.

Любо Мичович в исследовании об обычаях поповцев называет участника свадебного действия, который не упоминается другими исследователями, — **комора** 'юноша, едущий с конем и телегой за приданым невесты'⁵. Когда сваты приближаются к дому невесты, **комора** едет последним, когда же они, получив приданое, возвращаются к дому жениха, тот едет впереди процессии. Прежде чем приступить к анализу этой лексемы, необходимо привести функциональные параллели. Обычай увоза приданого существует в свадебных обрядах всех славянских народов. Во многих районах Сербии приданое забирает деверь; эту же обязанность деверь выполняет и в полесском свадебном обряде. Однако, в тех же районах, где известен **комора**, когда его не было, приданое забирали **рухарике**⁶ (от **рухо** 'приданое') — две девушки из невестинной родни, которые на плечах несут приданое невесты к дому жениха. На полпути их встречают две девушки из дома жениха, которые переключивают приданое на свои плечи. В селах к западу от Лесковца за приданым отправлялась **китка**; по М. Джорджевичу⁷ — группа ближайшей родни жениха: родители, кум, старший сват, деверь, везущие молодой букет (**киту**) цветов. **Киткой** называлась также повозка, запряженная волами и украшенная (**накипена**) цветами. В эту повозку загружалось все добро невесты и перевозилось в дом жениха. Таким образом, словом **китка** назывались повозка, группа людей, которые на ней ехали, и та миссия, которая ими выполнялась. Подобное разнообразие значений отмечается и в слове **комора**: это и телега, в которой везут приданое, и человек, его везущий.

И. И. Толстой следующим образом переводит слово **комора**: 'палата, камера, военный обоз'. Поучительной представляется история семантического развития лексемы. Сербскохорватский «Речник» приводит ее следующие значения: а) лицо или лица, которые на конях или с повозкой едут за приданым молодой, б) приданое⁸. Однако, судя по всему, эти значения единичны, так как авторы словаря ссылаются в рецептивной части статьи на свидетельство этнографического исследования Л. Мичовича. Загребский академический словарь объясняет этимологию **комора** греч. *χαμαρα* 'свод' (новогреч. и 'комната')⁹. «Древнегреческо-русский словарь» И. Х. Дворецкого дает еще одно значение греческого слова — 'крытая повозка со сводчатым верхом'¹⁰. С этими же значениям *χαμαρα* было заимствовано латинским: **camera**, **camara**. В средние века лат. **camera** расширило семантическую базу, отраженную ныне в романских языках (итал. **camera**, франц. **chambre**): *conclav*; *cubiculum*; *conclave ubi thesaurus reponitur et servantur*; *camera denavium*; in Francia, *fiscus seu thesaurus regius* (комната, опочивальня; комната, где хранилось богатство, казна; во Франции налог или сокровища императора). Слово известно всем славянским, где в литературных языках имеет значение ограниченного пространства, ср. русск. **камера**, **каморка**, чеш. **komora**, польск. **komora**, **camera**. Позднелат. **camera** 'комната, в которой хранилось богатство' развило и иные значения: богатство королевское или государственное, позже — богатство (деньги), принадлежащее какому-нибудь определенному лицу. Далее семантическое поле лексемы включило, кроме названия богатства, еще и того (тех), кто это богатство охраняет и управляет им. С последним значением **camera** в XV веке было заимствовано сербскохорватским языком, где **комора** стало обозначать человека, охраняющего некое богатство. Это значение было, вероятно, редким, локальным и сохранилось лишь в одном этнокультурном ареале в наименовании свадебного чина. Возможно, в данном случае произошло соединение нескольких значений: 'крытая повозка' (ср. *χαμαρα*) и 'богатство' + 'человек, который его охраняет'. Бесспорно, есть основания говорить и о метонимии — переносе значения с объекта на субъект, что нередко в традиционной обрядовой терминологии. Полагаем, что приведенный пример хорошо иллюстрирует мысль В. А. Меркуловой о том, что «реконструкция исходного значения в большинстве случаев предопределяет реконструкцию исходной мотивации»¹¹.

Значительно шире, чем **комора**, распространен в Сербии такой свадебный чин, как **долибаша**, которое в СХРС переводится словом «тамада» (с. 96). Л. Мичович сообщает, что и дом невесты, и дом жениха имели каждый своего **долибашу**: «Долибаша — главный в доме, пока свадьба не пройдет»¹². «Речник» приводит два значения слова: 1) почетный гость за столом, выбранный старейшина; 2) тот, кто наливает (**точи**) спиртное и угощает остальных гостей в какой-нибудь компании¹³. Здесь же **долибаша** этимологизируется, причем на турецкой основе: тур. **dolu** 'полный' + **baş** 'старейшина'. Вторая часть слова возражений не вызывает. Этот корень в сербскохорватском встречается довольно часто, нередко в соединении со славянской частью, ср.; например, **девербаша** 'старший деверь на свадьбе'. Однако первая часть (**dolu**), на наш взгляд, не может быть истолкована однозначно, пока не обсуждены возможности ее собственно славянской интерпретации.

В сербскохорватском языке отмечена лексема **долија** со значениями: 1) чаша или другая посуда, из которой пьют; 2) вид угощения во время народных праздников¹⁴. На свадьбе реалья (первое значение) зафиксирована М. Джорджевичем в Лесковачской Мораве¹⁵, где **долија** — это глиняная миска, чаша с вином, на дно которой кладется яблоко, снятое со свадебного пирога. Гости по очереди пьют вино из **долији** и опускают в нее деньги. Когда чаша обойдет стол (софру) по кругу, молодая угостит вином кума, старшего свата и деверя, а молодой в это время движит **софру** три раза к востоку. Когда **софра** сдвинется в третий раз, **стари сват** берет яблоко, режет его на две части и дает половинки молодоженам. Затем **кум** ломает пирог над головами молодых, а **стари сват** берет **долию**, высыпает оттуда деньги и отдает молодым, сосуд же ударяет о какой-нибудь угол и ломает на куски. (Подобное ритуальное битье посуды хорошо известно в свадебных и родинных обрядах всех славянских народов).

Полагаем, что представляется вполне правомерным связать свадебные термины **долија** и **долибаша**, имея в виду еще и глагол праславянского происхождения **долити** 'дополнить, наливая; долить; налить до краев какую-нибудь жидкость'¹⁶. **Долибаша**, судя по этнографическим описаниям, — как раз человек, в течение всей свадьбы следящий за тем, чтобы у гостей была полная чаша (**долија**) и постоянно подливающий вино или ракию (ср. аналогичную функцию у русского (редко — белорусского) свадебного чина — чашника). Таким образом, не представляется невероятным, что первая часть анализируемого слова является по происхождению славянской. Это тем более реально, что **долибаша** вовсе не был «полным» старейшиной свадьбы, как следует из значения предполагаемого турецкого слова, ибо одновременно с ним действовали персонажи, имевшие гораздо более весомый свадебный чин: старший сват, первенец, кум.

Почти все участники сербского свадебного «спектакля» (сваты) были родственниками жениха или невесты. Не случайно общеславянская лексема праславянского характера ***svatъ** связана с местоименной основой ***svo-, sve-** (Фасмер. III, 570). Большое значение в славянских свадебных обрядах имели дядья, кум (духовный родственник) и деверь. В сербской свадьбе деверю отводится весьма значительная роль, впрочем, отчасти сравнимая с его значением в свадебных обрядах иных славян, особенно словацких, полесских (где деверь — старший брат жениха — должен был, судя по вполне ясным, хотя и отрывочным и глухим свидетельствам, производить дефлорацию) и нек. др. Д. Антониевич пишет, что деверь следует по рангу за старостой и кумом, т. е. является третьим свадебным чином¹⁷. **Деверем** может быть брат (сестра) жениха, реже — любой другой родственник.

Общеславянское ***deverъ** восходит к и.е. ***daiuer-** 'брат мужа', (ЭССЯ. 5, 19). С этим значением оно вошло в западно- и восточнославянские языки. Во всех южнославянских это слово приобрело также

значение 'шафер на свадьбе'. Безусловно, такая семантика обусловлена ролью, которую играл деверь (брат (иногда младший) жениха) в южнославянской свадьбе. В сербскохорватском языке отмечаются также и другие значения слова **дјевер** (дѣвер): 1) брат мужа или родственник из этого же поколения; 2) сопровождающий молодую в день свадьбы; 3) свидетель при церковном венчании; 4) сопровождающий вообще; 5) секундант во время дуэли¹⁸. Понятно, что появление двух последних значений связано с наличием двух первых, что свидетельствует о закреплении в традиционном народном менталитете весьма архаической связи деверя с функцией сопровождения. В Алексинацком Поморавье М. Джорджевичем зафиксирован интересный дериват слова **дјевер** — **деверичић** 'свадебное деревце'¹⁹. Накануне свадьбы, в субботу, в доме невесты пекли **саборник**. При замешивании теста соблюдалось обязательное правило: замешивать должна девушка, у которой живы родители. Важнейшими моментами являются вынос и украшение **саборника**. Пирог ставится в сито, а сито — на блюдо, покрытое белым полотенцем. По краям пирог украшают цветами, а в середину ставят одно развилостое деревце с тремя ветками (**деверичић**), которые украшают красными яблоками и лентой. В селах к западу от Моравы **деверичић** претерпел некоторую эволюцию: это может быть стебель с тринадцатью и более веточками, украшенными яблоками. В некоторых селах в Лесковацкой Мораве в доме жениха пекут пирог, украшая его **деверичицем**, причем здесь он выглядит несколько иначе, представляя собой деревце с тремя ветками, на средней из которых яблоко, а на двух крайних хлебцы.

Вероятно, связь **дјевер** — **деверичић**, которая ныне явно утрачена, базировалась на какой-то особой функции деверя, совершавшего некие ритуальные действия со свадебным пирогом (вроде разделения **коровая**). Возможна и охранительно-магическая реминисценция: **деверичић** — апотропией **саборника**, а деверь — невесты. Любопытна также и числовая символика, отношение к числу 3: третий по значению чин на свадьбе — три (архаический вариант) ветки.

Приведенные примеры свидетельствуют, по мнению авторов, во-первых, о чрезвычайной благодатности для славянских этимологических разысканий материала традиционной духовной культуры, в частности, диалектной обрядовой терминологии, а во-вторых, о необходимости при соблюдении обычных этимологических процедур учитывать этнолингвистические критерии.

¹ См.: Беговић Н. Живот и обичаји Срба граничара. Београд, 1986. С. 157.

² См.: Антонијевић Д. Алексиначко Поморавље. Београд, 1971. С. 145.

³ См.: Толстой И. И. Сербскохорватско-русский словарь. М., 1976. С. 662 (далее — СХРС).

⁴ См.: Мићовић Љ. Живот и обичаји Поповаца. Београд, 1952. С. 138.

⁵ Там же. С. 136.

⁶ Там же.

⁷ См.: Борђевић М. Живот и обичаји народа у Лесковацкој Морави. Београд, 1958. С. 454.

⁸ См.: Речник српскохрватског книжевног и народног језика. Београд, 1978. Т. 10. С. 338 (далее — Речник).

⁹ См.: Rječnik hrvatskog ili srpskog jezika. Zagreb, 1880. Dio V. S. 246—247.

¹⁰ См.: Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. М., 1958. Т. 1. С. 870.

¹¹ Меркулова В. А. К вопросу о семантической реконструкции // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1985—1987. М., 1989. С. 266.

¹² Мићовић Љ. Указ. соч. С. 437.

¹³ См.: Речник. Т. 4. С. 499.

¹⁴ Там же. С. 500.

¹⁵ См.: Борђевић М. Указ. соч. С. 474.

¹⁶ См.: Речник. Т. 4. С. 501.

¹⁷ См.: Антонијевић Д. Указ. соч. С. 145.

¹⁸ См.: Речник. Т. 4. С. 132.

¹⁹ См.: Борђевић М. Указ. соч. С. 449.